

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.159-180>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/pyxcmg>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 159.923.2-027.541 (571.54/.55)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Забайкальская идентичность: стереотипы в структуре регионального самосознания

Д. В. Трубицын И. С. Дорогавцева ✉

*Забайкальский государственный университет, <https://ror.org/00d55g310>
(г. Чита, Российская Федерация)*

✉ irinadorogawzewa@mail.ru

Аннотация

Введение. Трансформационные процессы в российском обществе актуализируют изучение региональных идентичностей как фактора сохранения социокультурной стабильности, особенно для удаленных и приграничных территорий. Сложность демографической и социально-экономической ситуации в Забайкальском крае требует поиска новых методов анализа самосознания его жителей. Цель статьи – апробация и обоснование продуктивности стереотипологического подхода (анализа устоявшихся представлений о себе и о регионе со стороны) для выявления глубинных, устойчивых компонентов регионального самосознания.

Материалы и методы. Теоретическая основа исследования – конструктивистский подход. Эмпирическая база включает в себя корпус текстов из интернет-блогов, прессы и научных публикаций, проанализированных с помощью дискурс-анализа и исторического анализа. Для получения количественных данных в 2024 г. был проведен репрезентативный социологический опрос среди жителей Забайкальского края ($n = 400$, квотно-пропорциональная выборка по полу и возрасту). Методология исследования обеспечила учет формальности/неформальности репрезентации стереотипов при явном доминировании в идентичности последней.

Результаты исследования. Подтверждена эффективность анализа авто- и гетеростереотипов как метода, выявляющего устойчивые, часто нерелексируемые компоненты идентичности. Выявлена специфика забайкальской идентичности: будучи органичной частью общероссийской, она обладает уникальным комплексом смыслов, основанных на географическом пограничье, полиэтничности и историческом опыте. Зафиксировано смысловое расхождение: внешние гетеростереотипы формируют образ «глухой провинции», тогда как автостереотипы акцентируют самобытность, независимость и «срединное» положение. Внутренняя динамичность идентичности и ее способность к интеграции противоположных оценок обеспечивают устойчивость и потенциал развития.

© Трубицын Д. В., Дорогавцева И. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Исследование доказывает существование выраженной забайкальской региональной идентичности и продуктивность стереотипологического подхода к ее изучению. Полученные выводы имеют практическую ценность для формирования региональной и культурной политики, а также для дальнейших исследований в области социологии культуры и регионоведения.

Ключевые слова: региональная идентичность, Забайкалье, забайкальцы, гетеростереотипы, автостереотипы, пограничье

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трубицын Д.В., Дорогавцева И.С. Забайкальская идентичность: стереотипы в структуре регионального самосознания. *Регионоведение*. 2026;34(1):159–180. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.159-180>

Transbaikalian Identity: Stereotypes in the Structure of Regional Self-Consciousness

D. V. Trubitsyn, I. S. Dorogavtseva ✉

Transbaikal State University, <https://ror.org/00d55g310>
(Chita, Russian Federation)

✉ irinadorogawzewa@mail.ru

Abstract

Introduction. Transformational processes in Russian society are highlighting the importance of studying regional identities as a factor in maintaining sociocultural stability, particularly in remote and border regions. The complex demographic and socioeconomic situation in the Trans-Baikal Territory necessitates the search for new methods for analyzing the self-awareness of its residents. The purpose of this article is to test and substantiate the effectiveness of a stereotypical approach (analyzing established ideas about oneself and the region from the outside) to identify the underlying, stable components of regional self-awareness.

Materials and Methods. The theoretical basis of the study is a constructivist approach. The empirical base includes a corpus of texts from internet blogs, the press, and scientific publications, analyzed using discourse analysis and historical analysis. To obtain quantitative data, a representative sociological survey was conducted in 2024 among residents of the Trans-Baikal Territory ($n = 400$, quota-proportional sample by gender and age). The research methodology ensured that the formality/informality of stereotype representation was taken into account, with the latter clearly dominating identity.

Results. The effectiveness of auto- and hetero-stereotype analysis as a method for identifying stable, often unreflected, components of identity has been confirmed. The specificity of Transbaikalian identity has been revealed: while being an integral part of the pan-Russian identity, it possesses a unique set of meanings based on its geographical borderland, multi-ethnicity, and historical experience. A semantic discrepancy has been recorded: external heterostereotypes form the image of a “backwater province”, while autostereotypes emphasize originality, independence, and a “middle” position. Internal dynamism and ability to integrate opposing assessments ensure stability and potential for development.

Discussion and Conclusion. The study demonstrates the existence of a distinct Transbaikalian regional identity and the effectiveness of a stereotypical approach to its study. The findings have practical value for shaping regional and cultural policy, as well as for further research in the fields of cultural sociology and regional studies.

Keywords: regional identity, Transbaikalia, Transbaikalians, heterostereotypes, autostereotypes, frontier

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Trubitsyn D.V., Dorogavtseva I.S. Transbaikalian Identity: Stereotypes in the Structure of Regional Self-Consciousness. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):159–180. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.159-180>

ВВЕДЕНИЕ

Стабильная идентичность необходима в быстро меняющемся мире, поскольку она снижает уровень неопределенности, повышает внутригрупповое доверие, а также обеспечивает психологический комфорт и устойчивую связь с группой¹. В то же время исследования показывают, что идентичность не бывает «достигнутой», ее нельзя ни утратить, ни возродить; в современном обществе стабильная идентичность невозможна в принципе, а ее кризис – нормальное состояние². Гармоничная идентичность требует совмещения устойчивости и гибкости, готовности к изменениям с сохранением базовых элементов. Открытый, незавершенный характер позволяет ей развиваться, дополняться новыми чертами и благодаря этому сохранять себя. Важно, чтобы сложная реальность Я не теряла уникальности и не сводилась к примитивному застывшему образу, лишенному способности эволюционировать.

Сказанное тем более актуально для региональной идентичности, которая должна находиться в сложных отношениях с национальной, обеспечивать экзистенциально важную для индивида опору на местное сообщество и макрогруппу одновременно. Практически важен вопрос о месте в структуре общероссийского самосознания идентичности отдаленных и экономически депрессивных регионов, особенно в связи с депопуляцией населения.

Когнитивной сложностью является неоднократно отмеченная учеными неявность региональной идентичности в России [1]. Как показывают исследования, идентичность регионов с невыраженной этнической составляющей скорее номинальна, чем актуальна; ее содержание образуют ожидаемые и присущие всей стране характеристики [1]. Относительно рассматриваемого региона есть и другое мнение: «забайкальский народ – реально сложившееся территориальное межэтническое объединение людей с особыми, подчас яркими ментальными чертами»³.

Тезис о содержательной невыраженности региональной идентичности по отношению к Забайкалью видится неверным: оригинальность сложно обнаружить привычным социологическим методом – «предваряющим» ответ и настраивающим респондента на официальный лад опросом. На подлинное содержание указывают неформальные данные, поэтому проанализированы блоги и неофициальные самоназвания, а в качестве базового компонента в структуре идентичности – стереотипы. Они практически не подвергаются рефлексии, воспринимаются некритично, их модификация происходит медленно.

Названные черты традиционно оцениваются негативно, как нечто косное и препятствующее развитию, однако они выполняют важную функцию. Их устойчивость, ригидность, упрощенный характер и эмоциональная окрашенность способствуют

¹ Osborne E., Sablonniere R. Understanding My Culture Means Understanding Myself: The Function of Cultural Identity Clarity for Personal Identity Clarity and Personal Psychological Well-Being. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2014;44(4):436–458. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12061>

² См. Hall S. Who Needs “Identity”? In: Hall S., Gay P. (eds) *Questions of Cultural Identity*. London: Sage; 1996. Pp. 4–5 ; Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ. *Социологические исследования*. 2004;(10):27–30 ; Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках. *Там же*. 2014;(12):3–11.

³ Константинов М.В. Забайкальцы. В кн.: *Энциклопедия Забайкалья*. Том II. Новосибирск: Наука; 2004. С. 388.

закреплению определенных тезисов в массовом сознании, обеспечивая защиту идентичности от распада, особенно в периоды социальных трансформаций.

Современная трактовка стереотипа предполагает признание его способности к реинтерпретации и деконструкции содержания, благодаря чему казавшийся застывшим образ становится переходной формой и создает возможности для возникновения новых смыслов⁴. Поэтому, несмотря на не самую лучшую репутацию, обусловленную чрезмерной обобщенностью и потенциальной дискриминационностью в процессе коммуникации, стереотипы могут быть реабилитированы как важное средство конструирования Я-образа.

Речь идет не столько об отрицании, сколько о переработке и переоценке закрепленных в массовом сознании типичных образов, их позитивном или негативном рефрейминге. Более того, определение возможных факторов конструирования образа региона невозможно без ответа на вопрос о том, как его жители видят сами себя и как их видят другие. В любой идентичности есть две составляющие: представление субъекта о самом себе и его восприятие внешним наблюдателем.

Цель работы – проанализировать выявленные и исторически сложившиеся авто- и гетеростереотипы о Забайкалье и забайкальцах в качестве источников формирования и средств изучения региональной идентичности.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В числе теоретических основ исследования присутствуют идеи классиков конструктивизма⁵, однако для успешного изучения идентичности в роли субъективного компонента социальной реальности необходимо различение формальных и неформальных территориальных единиц [2, с. 56]. Выбранный объект именно таков: Забайкалье как регион сложился в сознании населения задолго до его институционализации. Эта полуформальность конструирует идентичность искреннее и эффективнее, более явно отражает реальность и объективные компоненты процедуры самоидентификации, которым в классическом конструктивизме уделяется мало внимания.

Понимание идентичности в виде суммы типизаций и сложного социального конструкта, которое формируется на основе стереотипных образов, представленное в работах П. Бергера и Т. Лукмана⁶, в настоящей статье дополнено непосредственными исследованиями функций стереотипов в конкретных обществах. Стереотипы здесь предстают в качестве важных конституирующих элементов в структуре идентичности. Их роль в восприятии групп, консолидации ценностей и конструировании социокультурного кода анализируется на примерах конкретных стран и регионов – Бретани, Германии, Бразилии, Австрии⁷ [3; 4]. К анализу стереотипов, формирующихся почти бессознательно под влиянием социальных отношений, обязывают работы, констатирующие трехкомпонентную структуру

⁴ Rolling J.H. Stereotypes. In: *Encyclopedia of Identity*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; 2010. Vol. 2. Pp. 791.

⁵ Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. In: *Études Critiques*. Cambridge University Press; 2002. Vol. 43. No. 2. Pp. 167, 170; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум; 1995. С. 210–279.

⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности...

⁷ Kleining G. Über das Nationale Selbstbild der Deutschen. *Psychologie und Praxis*. 1963;(7):49–59; Rezende C.B. Stereotypes and National Identity: Experiencing the “Emotional Brazilian”. *Identities*. 2008;(15):103–122. <http://dx.doi.org/10.1080/10702890701801866>

групповой идентичности: 1) представления индивида о группе; 2) маркировка; 3) социальная реальность⁸.

Не менее важны выводы о том, что идентичности как социальные целостности являются зонами в сетях отношений⁹. Хотя влияние внешнего взгляда на формирование идентичности порой отрицается (так, М. П. Крылов противопоставляет собственно региональную идентичность и внешний имидж региона¹⁰), современные исследования доказывают воздействие негативных гетеростереотипов на восприятие себя членами групп [5–9]. То же надо сказать о положительных стереотипах¹¹.

Территориальную идентичность

следует отличать от территориального сознания¹². Часто они не разделяются, что В. Т. Михайлов и Й. Рунге считают неверным [2]. Если для первой достаточно лишь знаний (представлений о морфологии пространства, ее природных и антропогенных компонентах), второе должно включать и эмоциональный компонент. Исследования территориальной и региональной идентичностей¹³ в качестве нематериального ресурса развития общества¹⁴ дают понимание о том, как географические образы выступают в структуре региональной идентичности в роли базовых, формируя геокультурный образ пространства; как пространство аксиологизируется в процессе культурного освоения, наполняясь смыслами, ценностями [10–12].

Значимость региональной идентичности – дискуссионная тема. Некоторые авторы убеждены в угрозе сепаратизма со стороны регионалистских движений и идей (хотя и признают их созидательный потенциал в контексте локальных проблем)¹⁵. Они считают необходимым проведение в регионах политики идентичности, ориентированной в первую очередь на общероссийские интересы¹⁶. Е. Ю. Цумарова указывает на важность развития региональной идентичности как инклюзивной для формирования стабильной общероссийской идентичности¹⁷.

В целом проблеме идентичности регионов России и ближнего зарубежья посвящены немало работ [13–18]. Часть публикаций касается вопросов регио-

⁸ Wan Ch., Chew P.Y. Cultural Knowledge, Category Label, and Social Connections: Components of Cultural Identity in the Global, Multicultural Context. *Asian Journal of Social Psychology*. 2013;(16):247–259.

⁹ White H.C. Identity and Control: A Structural Theory of Social Action. N.Y.: Princeton University Press; 1992. 423 p.

¹⁰ Крылов М.П. Региональная идентичность в европейской России. М.: Новый хронограф; 2010. С. 71, 207.

¹¹ Marx D.M., Stapel D.A. Understanding Stereotype Lift: On the Role of the Social Self. *Social Cognition*. 2006;(24):776–791. <https://doi.org/10.1521/soco.2006.24.6.776>

¹² Мирошниченко И.В. Нематериальные ресурсы развития. В кн.: Идентичность: личность, общество, политика. Под ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир; 2023. С. 57–66.

¹³ Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак; 2006. С. 16, 63–64, 99–100, 199–201 ; Ким Х.Ч., Шабаев Ю.П., Истомина К.В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций). *Социологические исследования*. 2015;(8):85–92 ; Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Идентичности молодежи Арктики. *Там же*. 2015;(5):139–144.

¹⁴ Мирошниченко И.В. Нематериальные ресурсы развития...

¹⁵ Шабаев Ю.П. Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012;8(2):126–149.

¹⁶ Омаров М.А., Шабаев Ю.П. Полиэтничность как фактор исторического развития России: инструменты формирования и укрепления общероссийской идентичности. В кн.: Россия в новых измерениях: единство и многообразие: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 30 октября 2023 года. М.: Российский государственный гуманитарный университет; 2024. С. 254–255. <https://elibrary.ru/bqntgz>

¹⁷ Цумарова Е.Ю. Единство в многообразии, или Как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию. Неприкосновенный запас. *Дебаты о политике и культуре*. 2015;(5):57–66.

нальной мифологии [19–21], часть – специфики приграничных регионов [22–25]. Значительное число исследований рассматривает проблему сибирской идентичности [24; 26; 27]. Так, А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская воспринимают региональную идентичность в качестве «...ресурса преобразования и развития Сибири силами самих сибиряков», подчеркивая ее консолидирующий, но ни в коем случае не сепаратистский характер¹⁸. А. О. Бороньев высказывает опасения по поводу ослабления «сибирскости», связывая с этим упадок регионального патриотизма в постсоветский период. По его мнению, необходимо возрождение сибирской ментальности как российской, но имеющей специфику¹⁹.

М. В. Васеха представляет обзор как формальных, так и стихийно сложившихся за пределами официального мейнстрима форм идентичностей Сибири [26], однако оставляет вне поля зрения Забайкалье. Видение его отдельным, исключение из дискурса о сибирской идентичности типично: Е. В. Головнева отмечает, что в настоящее время Сибирь имеет тенденцию рассматриваться в отрыве от Дальнего Востока, Алтая, Заполярья и Забайкалья²⁰. Сказанное актуализирует изучение региональной забайкальской идентичности, все чаще игнорируемой в исследованиях Сибири и Дальнего Востока.

В подавляющем большинстве современные исследования региональной идентичности используют классические социологические методы (прежде всего, социологический опрос), которые не в состоянии учесть эмоциональный компонент в полной мере. Идентичность забайкальцев фиксируется в целом как состоявшаяся, однако анализ стереотипов позволит прояснить ситуацию с ее невыраженностью на фоне общероссийского самосознания. Изучение стереотипов может дополнить полученную картину; востребовано при уточнении результатов непосредственных исследований забайкальской идентичности²¹.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект и предмет исследования. Объектом исследования послужили авто- и гетеростереотипы о Забайкалье и забайкальцах, понимаемые как компоненты идентичности и включающие в себя официальные и неформальные составляющие; предметом – собирательные образы Забайкалья и забайкальцев, создаваемые закрепившимися в языке наименованиями и самонаименованиями жителей региона, путевыми заметками.

¹⁸ Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность как фактор устойчивого развития Сибири. *ЭКО*. 2013;(1):69.

¹⁹ Бороньев А.О. Сибирская идентичность: становление и содержание. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2004;(3):156.

²⁰ Головнева Е.В. Сибирь как «воображаемое сообщество»: конструктивистский подход. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. 2018;(25):79–81.

²¹ Базаров А.А., Бураева С.В. Семейная книга и Забайкальская идентичность. *Библиосфера*. 2015;(1):21–27 ; Васильева К.К., Мельническая С.А. Менталитет социокультурных обществ Забайкальского края. Чита: ЧитГУ; 2008. 191 с. ; Зимина Н.С. Структура, факторы формирования и развития регионального социокультурного пространства Забайкальского края. *Вестник ЗабГУ*. 2012;(12):98–105 ; Новикова М.С., Новиков А.Н. Позиционирование символов территорий в общественном сознании россиян как механизм повышения инвестиционной привлекательности. *Вестник евразийской науки*. 2014;(3):53 ; Филиппова Н.П. Символо-знаковые системы региональной культуры Забайкалья. *Вестник ЗабГУ*. 2009;(2):21–27.

Эмпирическую базу исследования образовали тексты массовой коммуникации (блоги, онлайн-дневники, комментарии «Живого Журнала»²²), выполняющие функции закрепления и трансляции информации, которая становится частью массового Я-образа. Методом ручной тематической выборки по тегам «Забайкалье» и «Чита» были отобраны 115 постов 69 пользователей, посвященных пребыванию в Забайкалье, и 14 блогов местных авторов²³ (2007–2023 г.).

Формат блога предполагает быстрое («по горячим следам»), не всегда вдумчиво отредактированное размещение информации. Это позволяет увидеть субъективную сторону текста – непосредственные живые впечатления авторов, их личные мнения, в условиях относительной анонимности и отсутствия цензуры выражаемые более откровенно. Поэтому изучение текстов тревел-блогов дает больше возможностей для выявления распространенных стереотипов, чем анализ текстов официальных средств массовой информации (СМИ).

Меньшая представленность собственно забайкальских авторов в выборке обусловлена тем, что число блогеров, эксплицитно обозначивших себя «забайкальцами», невелико и значительная их доля продуцирует тексты, не связанные с регионом (о личной жизни, хобби, отзывы на прочитанные книги и пр.). Полагаем, что подобная выборка обеспечивает необходимую объективность и возможность обобщения результатов анализа на более широкую аудиторию.

Популярные сети лучше отражают динамический аспект само- и внешней идентичности. Ее более устойчивые компоненты фиксируют официальные источники, поэтому для выявления содержания автостереотипов использовались научные публикации, пресса, энциклопедические издания.

Методы исследования. Исследование дискурса, понимаемого как единство языковой практики и экстралингвистических факторов (высказываний на определенную тему и социокультурного контекста их создания и трансляции)²⁴, предполагает изучение повседневного опыта, который передается авторами блогов через текстовую и графическую коммуникацию. Анализ использования в корпусе текстов тех или иных языковых средств для описания конкретного объекта позво-

²² Одна из наиболее популярных в начале XXI века интернет-платформ в РФ. Из 40 миллионов пользователей 28 находятся в России. Благодаря возможности публиковать объемные тексты и размещать большое количество фотографий сайт активно использовался для создания дневников путешествий (тревел-блогов).

²³ Индивидуальные блоги: a-krotov, albinos76, an-babushkin, anthrax-urbex, arissston, atlantas, bepowerback, borh-84, boris-mavlyutov, chistoprudov, consigliere77, cvarnou, ded-pasha, denokan, dergachev-va, dimabalakirev, dimorfant, dracomare, e-kaspersky, flackelf, foto-land, gelio, gmichailov, griphon, helen-i-rebyata, ice-ti, karpukhins, kasimys, kitv, korepov1986, lena-miro, liseykina, majorfonskrip, mane4kasakh, me-frai, mikka, nefer, o-avgust, olly-ru, panterka93, pereverzinroman, plemiyash-sergei, polyn-blog, pretre-philippe, rudolf-khb, rsbratsk, rumata-anton, sandrina, sapojnik, sergeydolya, sergey-nb, serzh zaguman, shpilenok, varandej, victorborisov, vkouznetsov, timaldo, travelfoxes, yapet, yuvlatyshev, zavodfoto, zbarsology, zhzhitel; записи сообществ: «Архитектурный стиль» (architectstyle), «Города и веси России» (russiantowns), «Мы родом...» (yarodom), «Путешествия и прочее» (ru-travel), «Походы по горам» (trekking-hiking) и «Сообщество путешественников по России» (travel-russia). Блоги пользователей Livejournal из Забайкалья: andreydehtyaruk, boltunovag, cho-oyu-cho, eaquilla, lesnyanskiy, mogochadp, mornere, pustyarnick, str-albatros, top-view, vl-dashiev, vololo, zabinok, zabivan. Приведенные в статье цитаты (выделены курсивом) взяты из перечисленных блогов.

²⁴ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Гуманитарный центр; 2008. С. 118; Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Пер. с англ. Х.: Гуманитарный центр; 2009. С. 47.

ляет выявить тенденции репрезентации последнего в массовом сознании. Если отдельные тексты можно рассматривать как выражение частной точки зрения, то дискурс в целом благодаря постоянно повторяющимся элементам содержания, образующим культурные стереотипы, является мощным средством формирования социокультурных установок и отношений²⁵.

Коллективная символика, представляющая собой совокупность передающихся в традиции культурных стереотипов²⁶, выступает важным компонентом дискурсивного пространства, как правило, в текстах массовой коммуникации.

Вопрос исследования в рамках анализа текстов формулировался так: как в текстах блогов репрезентируются Забайкалье и забайкальцы? Выяснились наиболее часто встречающиеся в описаниях региона темы, стереотипы и лексические средства их выражения.

Обобщение полученных данных и их интерпретация позволили выявить, каким образом анализируемые высказывания формируют образ края и его жителей, а также предположить ракурс их влияния на восприятие региона самими забайкальцами и россиянами в целом. Анализ текстов показал, как в языковых конструкциях, с одной стороны, отражается, а с другой – создается определенная социальная реальность – какие именно высказывания и дискурсы формируют образ региона. Определены наиболее распространенные мнения и некоторые общие тенденции в восприятии блогами Забайкалья.

Применялись методы критического дискурс-анализа и анализа самоназваний в контексте исторической динамики.

В качестве дополнительного метода был реализован социологический опрос. Анкета включала 26 вопросов, направленных на получение количественных данных об иерархии российской и региональной идентичностей, о ценностном наполнении понятий «россиянин» и «забайкалец», об оценке качества отношений региона и страны. Полевой этап осуществлялся в сентябре–октябре 2024 года в Читинском, Карымском и Улетовском муниципальных районах, а также городском округе город Чита Забайкальского края²⁷. Объем выборочной совокупности – 400 респондентов. Все они были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Использовался метод квотно-пропорциональной выборки в соответствии с квотами, отражающими ключевые параметры генеральной совокупности – населения Забайкальского края старше 18 лет. Выборка структурирована по полу (женщины – 54 %, мужчины – 46 %) и возрасту (от 18 до 24 лет – 11 %; от 25 до 34 – 18; от 35 до 44 – 22; от 45 до 59 – 24; от 60 до 69 – 16; от 70 лет и старше – 9 %).

²⁵ Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. Überarbeitete und Erweiterte Auflage. Duisburg: DISS; 1999. Pp. 170.

²⁶ Link J. Die Struktur des Symbols in der Sprache des Journalismus. München: Wilhelm Fink Verlag; 1978. Pp. 27.

²⁷ Районы выбраны с учетом экономических, инфраструктурных и климатических различий; в них представлены основные социально-демографические группы населения и национальности Забайкальского края. Охват разных частей региона (центр, восток, запад) обеспечил географическую диверсификацию выборки. Внутри районов были отобраны поселения в зависимости от их административно-территориального статуса и численности населения. Опрос проведен в шести городских поселениях и поселках и 19 селах. Отдельно выделен город Чита – административный, экономический и культурный центр региона, в котором проживает 35,1 % населения края.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Состояние региональной идентичности. Устойчивая идентичность предполагает маркировку. Нельзя согласиться с утверждениями, что в Забайкалье отсутствуют какие-либо общезначимые символы, кроме вездесущего багульника²⁸. О наличии таких говорят результаты конкурсов «Россия-10» и «Семь чудес Забайкалья», в ходе которых местное население голосовало за объекты, достойные представлять регион²⁹. В их числе: Бутинский дворец в Нерчинске, Даурский заповедник, Великий исток (водораздел Амура, Лены и Енисея), Байкало-Амурская магистраль, Чарские пески, национальный парк «Алханай», церковь Успения Божьей Матери в с. Калинине, озеро Арей, ледники Кодара, кафедральный собор Казанской иконы Божией Матери, Агинский дацан и Шумовский дворец в Чите.

Присутствие в самосознании жителей обширного комплекса объектов природного и культурного наследия, выступающих в роли предмета гордости, свидетельствует о наличии как когнитивного, так и аффективного компонентов идентичности. Четкий собирательный геокультурный образ края сопровождается эмоциональным отношением и ощущением родственной связи с ним.

Безусловно, общероссийская идентичность в Забайкалье доминирует: в первую очередь жителем России (русским, россиянином) и лишь во вторую забайкальцем назвали себя 70 % опрошенных; напротив, в первую очередь забайкальцем и лишь во вторую россиянином – 22 %. Несмотря на это, уникальность собственной культуры осознается забайкальцами и занимает важное место в структуре их идентичности: если сибиряками себя считают около 40 % респондентов, то забайкальцами – уже больше 60 %³⁰. Этноним «сибиряки» практически не используется забайкальцами как самоназвание, на что указывает и «Энциклопедия Забайкалья»³¹.

Лучше всего забайкальская идентичность выявляется в приватной сфере. На вопрос «С чем ассоциируется у вас связь с Родиной?» ответили «с местом, где вы родились и выросли» 80 % респондентов, «с родными, близкими, друзьями» – 67, общероссийские ассоциации («государство», «российская история и судьба страны», «богатство российской культуры») составили менее 50 % ответов. На официальные формулировки («с историей вашего региона», «с природой вашего региона», «с известными людьми вашего региона») указали 19, 31 и 10 % соответственно.

На сочетание ближнего и дальнего круга в идентичности указывает соотношение в результатах опроса символов большой и малой родины. В первой тройке оказались государственная символика (от 75 %), герб и флаг края (39), семейный альбом, фотографии родных и друзей (32 %). Очевидно, в «титульной», скорее номинальной, чем актуальной, стороне восприятия региона и страны в целом на первое место ставится общероссийское, значение регионального ниже. В рамках неформального и более искреннего отношения императивы региона проявляются сильнее, что подтверждает тезис о более выраженном процессе региональной самоидентификации в полу- и неофициальном кластере социальных связей.

²⁸ Ермилов Д. Забайкалье: запрос на региональную идентичность [Электронный ресурс]. Центр прикладных исследований и программ. URL: <http://www.prisp.ru/opinion/14476-ermilov-o-proekte-azbuka-zabaykalya-1909> (дата обращения: 15.05.2024).

²⁹ Новикова М.С., Новиков А.Н. Позиционирование символов территорий в общественном сознании россиян...

³⁰ Васильева К.К., Мельницкая С.А. Менталитет социокультурных обществ Забайкальского края... С. 101.

³¹ Константинов М.В. Забайкальцы... С. 387.

Содержание идентичности прежде всего связано с объективными условиями жизни в приграничном, полиэтническом, поликонфессиональном регионе, отдаленном от центра, хотя и не так, как Приморье, Хабаровский край или Амурская область. В экономическом плане это территория перманентно депрессивная (62-е место в рейтинге по доходам населения в 2021 г.³²), с высокими темпами депопуляции даже в годы относительного благополучия для страны в целом. В 2001–2011 годах миграционная убыль в среднем составила 5,7 тыс. ежегодно³³, с 1990 г. население сократилось почти на 1/3 (к 2023 г.)³⁴.

Источники не случайно указывают в качестве типичных черт многонационального региона, расположенного на стыке культур, компромиссность, взаимную толерантность, религиозный синкретизм, гостеприимство, готовность помочь³⁵. Научные тексты в качестве основы менталитета забайкальцев и их самоидентификации называют также контактность, неприхотливость, сострадание, выносливость, упорство, осмотрительность и созерцательность³⁶.

Забайкальцы видят себя суровыми россиянами, не изнеженными мягкими климатическими условиями, комфортом и высоким уровнем жизни³⁷. Они гордятся низкими температурами и часто обращают внимание на разницу в этом отношении с европейской частью страны. Однако «климатическая» составляющая самосознания не оригинальна: все россияне считают себя жителями «сурового края», это один из главных компонентов общероссийской идентичности.

То же касается пограничности. Как показал анализ, окраинным положением объясняются многие особенности местного менталитета даже там, где уже много столетий нет никакой границы. Так, жители Рязани связывают свое «особое героическое воинское сознание» с условиями пограничья с кочевниками, заявляя о «менталитете жителей засечной черты»³⁸. Это относится к поморам, пермякам, уральцам, кубанцам: «пограничный» элемент характеризует российскую культуру в целом.

Сходную ситуацию обнаруживают исследователи сибирской идентичности. С одной стороны, они показывают ее высокий уровень, с другой – ее содержание банально, связано с «суровой природой» и «просторами», а среди качеств характера обнаружилось ожидаемое упорство, искренность, благожелательность, толерантность, коллективизм [27, с. 31]. Социологический опрос выявил, что выраженными чертами местного характера забайкальцы считают стойкость (64 %), терпение (71), трудолюбие (59 %), что не уникально на фоне российской идентичности.

³² Россия сегодня [Электронный ресурс]. РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html> (дата обращения: 25.10.2024).

³³ Население [Электронный ресурс]. Забайкалкрайстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. URL: <https://75.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 26.10.2024).

³⁴ Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. М.: ВЦГП; 2023. С. 8.

³⁵ Новикова М.С., Новиков А.Н. Позиционирование символов территорий в общественном сознании россиян...

³⁶ Базаров А.А., Бураева С.В. Семейная книга и Забайкальская идентичность... С. 21–27.

³⁷ Константинов М.В. Забайкальцы... С. 387.

³⁸ Филатов С. Культ святого благоверного князя Олега Рязанского. Рязанцы отстаивают свое достоинство [Электронный ресурс]. *Russian Review*. URL: <https://www.keston.org.uk/rr/15/01oleg.html> (дата обращения: 12.08.2024).

Историки и краеведы уверенно пишут об «...особо сложившейся социальной психологии» забайкальцев, включающей в себя «...приобщенность к открытому... небу, связующему с бесконечным космосом, особое мироощущение от сочетания европейского и азиатского миров, своеобразного пересечения их традиций и приоритетов, осознание действительности как некоторой отдаленности от российской и мировых столиц, восприятие своего пространства как привычно обширного, дружественный настрой к людям другой крови и веры, сердобольное отношение к гонимым, искреннее хлебосольство и радушие по отношению к гостям, способность стойко переносить превратности судьбы и тяжелые климатические условия...»³⁹. При этом важно, что тема «неба над бескрайней землей» является также межэтнической: тенгризм – системообразующий компонент в структуре миропредставлений местного населения – хори-бурят и монголов⁴⁰.

Есть также тенденция к описанию своего положения не как маргинального, а, напротив, как центра: известная в регионе международная телепрограмма «Середина Земли» знакомит жителей с новостями Забайкалья, Бурятии, Якутии, Калмыкии, Монголии, Китая.

Тезис о наличии региональной забайкальской идентичности подтверждается исследованиями специфики географических названий с приставкой «за-» (Заволочье, Заонежье, Заволжье, Зауралье). Все подобные топонимы объединяет причастность к процессам освоения новых земель; они фиксируют продвижение относительно России. Эта топонимика характеризуется незавершенностью: не давая осознать в полной мере внутреннее своеобразие региона, название отсылает к территории, с которой началось его присоединение, ориентируя субъекта идентичности вовне. Одновременно окончание топонимов подобного типа («-лье») указывает на внутреннее единство территории: объект перестал быть лишь границей, обретая с именем внутренние связи и образ себя⁴¹. Анализ культурных текстов демонстрирует диалектику российского и забайкальского, их сложное сочетание и одновременно уникальность.

Черты жителей Забайкалья, отраженные в их названиях. Имеется ряд самоназваний, различающихся по степени официальности.

На первом месте – «зabayкальцы». Это распространенное задолго до официального образования Забайкальской области (1851 г.) и Забайкальского края (2008 г.) самоназвание, привязанное к географическому положению. Несмотря на европоцентричность, наименование прижилось и приобрело положительные коннотации, что среди прочего связывается с уважением к уникальному природному объекту – озеру Байкал.

Роман В. И. Балябина «Зabayкальцы», созданная в 1943 г. танковая колонна «Комсомолец Забайкалья», газета «Зabayкальский рабочий»⁴² и многочисленные

³⁹ Константинов М.В. Забайкальцы... С. 388.

⁴⁰ Гомбоева М.И. Образ мироустройства хори-бурят. Чита: Изд-во ЗабГГПУ; 2002. 189 с.

⁴¹ Ершов М.Ф. Фронтир от Северной Америки до Сибири. В кн.: Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск; 2014. С. 161–242.

⁴² Балябин В.И. Забайкальцы: роман. М.: Сов. писатель; 1959–1969. 3 т.; Забайкальский рабочий: еженедельная региональная общественно-политическая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://zabrab75.ru/> (дата обращения: 12.11.2024). Выходит с 1905 г.; Лыцусь А.И. Комсомолец Забайкалья. В кн.: Энциклопедия Забайкалья [Электронный ресурс]. Новосибирск: Наука; 2006. URL: <https://ez.chita.ru/okn/section/?id=3041> (дата обращения: 12.11.2024).

названия организаций, включающие данный этноним, – все это указывает на почти официальный характер наименования, активно используемого для самопрезентации региона. Однако даже в длительный период существования Читинской области и отсутствия в официальном дискурсе соответствующих терминов жители региона именовали себя «забайкальцами».

Найти тексты, в которых понятие наделяется негативным содержанием, невозможно: оно ассоциируется в первую очередь с патриотизмом, героизмом, с событиями и явлениями, вызывающими чувство гордости. Забайкальский военный округ был крупнейшим в структуре Советской армии, а Забайкальская железная дорога – самая протяженная среди российских и обладает наиболее сложным профилем пути. Эти факты не только известны любому военному или железнодорожнику и близким к их кругам забайкальцам, но и вызывают у них уважение.

Параллельно с «Забайкальем» употреблялось более древнее и сегодня устаревшее в официальном дискурсе, хотя по-прежнему популярное, наименование «Даурия» (роман К. Седых и одноименный фильм «Даурия», радиостанция «Даурия»⁴³, ныне множество фирм, предприятий, например гостиница «Даурия» в центре Читы). Сначала именно оно обозначало край. Заметим, что систему двойных названий – исторического и современного, не связанную с названием областного или краевого центра (Новосибирская и Иркутская область, Красноярский и Хабаровский край) имеют и берегут немногие российские регионы.

Менее формальным самоназванием и, соответственно, маркером идентичности, является термин «гуран». В прямом значении он обозначает дикого козла, ставшего с момента русского заселения Забайкалья значимым объектом охоты; переносное – связывается с привычкой первых забайкальских казаков носить шапки из шерсти этого животного. Забайкальцам, из-за административных перипетий порой не знающим, куда себя причислять (официально край относился то к Восточной Сибири, то к Дальнему Востоку), называть себя гуранами было свойственно довольно долго.

Термин не имеет негативных коннотаций, ассоциируется прежде всего с хладнокровием и терпением, стойкостью к испытаниям и суровым климатическим условиям, а также с умом и недоверием к чужакам и центральным властям («себе на уме», «нас не проведешь»). Стереотипные представления о «настоящих гуранах», под которыми часто понимается именно русское население Забайкалья, предполагают даже специфические внешние признаки и привычки: чуть азиатский разрез глаз и скулы, привычку пить чай только с молоком. В настоящее время лексема «гуран» активно используется как маркер Забайкалья (кафе «Гуран», бар «Гураныч», женский сайт «Гуранка.ру», фестиваль «Гураненок»⁴⁴ и др.). Структурно-символический анализ показывает, что два самоназвания выполняют различные

⁴³ Седых К.Ф. Даурия: роман. М.: Гослитиздат; 1953. 2 т. (Б-ка советского романа). В 1971 г. экранизирован киностудией «Ленфильм»; Радиостанция «Даурия» вещала на частоте «Маяка» с 1991 г. (URL: <https://gtrkchita.ru/gtrk/news/i-na-dlinnoi-i-na-srednei-i-na-samoi-korotkoi-volne/> (дата обращения: 12.11.2024)).

⁴⁴ Гуранка.ру: читинский женский сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://mirmampar.ru/kompanii-i-specialisty/katalog-kompanij/gurankaru/?ysclid=mm09uo421b293188067> (дата обращения: 12.11.2024); Открыт прием заявок на XVI международный фестиваль детско-юношеского творчества «Гураненок» [Электронный ресурс]. Забайкальский край: офиц. портал. URL: <https://75.ru/news/378912> (дата обращения: 12.11.2024).

функции идентичности: если «забайкалец» имеет преимущественную ориентацию вовне, то «гуран» отсылает к внутренней специфике территории и обобщенным качествам населяющих ее этносов.

Итак, при упоминании своих типичных свойств забайкальцы используют противоречивые характеристики (описывают себя то как хлебосольных и гостеприимных, то как угрюмых и неприветливых, а готовность идти на контакт соседствует в их коллективном портрете с недоверчивостью). Тем не менее необходимо говорить о цельности, состоящей в независимости и даже своеобразном вызове. Образ формируется сочетанием ожидаемого и социально одобряемого имиджа региона с обобщенным стереотипным представлением о нем согласно современному восприятию идентичности как подвижного конструкта. Этот конструкт не ограничивает субъекта заданным набором черт, дает простор для самоидентификации и соответствующего социального действия, но содержит устойчивые черты.

Быть забайкальцем означает быть носителем общероссийской идентичности, отличающимся от других россиян в первую очередь местонахождением и стремлением к тому, чтобы малая родина занимала достойное место среди прочих регионов страны. Неважно, идет ли речь о легитимных и морально одобряемых сферах или криминальных: даже при самоидентификации в маргинальных, андеграундных группах (здесь порой используется самоназвание «семеновцы») «забайкалец» и «гуран» выделяют себя независимостью характера.

Забайкалье и забайкальцы в текстах блогеров. Словесная оценка увиденного авторами «Живого Журнала» позволила выявить самые распространенные мнения о регионе. Помимо упоминаемой практически всеми красоты природы, часто затрагивались темы (по убыванию): 1) бедности и заброшенности (30 % авторов); 2) маргинальности нравов (23); 3) современного криминала и каторжного прошлого, нередко связываемых друг с другом (23); 4) пустынной и дикой местности (22); 5) удаленности от цивилизации, пограничности, близости Китая (14); 6) отсталости (13); 7) железной дороги / Транссиба (12); 8) старинной деревянной архитектуры (10); 9) суровости края и людей (10); 10) контраста старого/нового, красивого/безобразного (10 % авторов).

Реже упоминались традиционно ассоциируемые с Забайкальем армия (9 %), декабристы (9), казаки (6), природные богатства (4), богатые купцы (3 %).

Природа края – источник наиболее позитивных эмоций. Путешественники говорят об «*уникальных пейзажах*», «*сказочных видах*», «*очаровательных долинах*» и «*красивейших реках*», вслед за А. П. Чеховым сравнивают Забайкалье с Швейцарией⁴⁵.

Восхищение вызывают памятники деревянного зодчества, связанные с историей региона: «*очаровательные деревянные дома*», «*город, радующий своей историей и архитектурой*», «*...сложно оторвать от них взгляд... веет уютом, теплом и спокойствием*», «*живописные деревянные домики*», «*Чита узорчатая*» – гости не скупятся на комплименты, считая «нереальную старую красоту Читы» ее сокровищем.

Если красоты природы и старинные постройки радуют глаз, то инфраструктура описывается преимущественно в негативных выражениях («*бедный город*», «*облез-*

⁴⁵ День 3. Чита – Улан-Удэ [Электронный ресурс]. Приехали! [Блог]. URL: <https://zbarsology.livejournal.com/8378.html> (дата обращения: 12.11.2024).

лые пятиэтажки», «гнилые избы, утлые деревеньки», «запустение, захолустье, разруха, раздолбанные дороги, депрессия»).

Местные жители описываются как колоритные люди «не робкого десятка», «с громкими голосами», «максимально настоящие», но лишь немногие характеризуют их как «очень приветливых» и терпимых. Туристы отмечают подозрительность и недоверчивость к чужакам: «начинают на меня как-то не по-доброму коситься».

На формирование стереотипов о забайкальцах влияет каторжное прошлое края и распространенный сегодня образ криминального региона:

«По лицам местных жителей видно, что этот край издавна служил одним из главных мест ссылки и каторги»; «характерное для Забайкалья остервенение, зашкаливающие подозрительность и агрессия, которыми нам запомнился казацко-каторжанский край»; «говорили, что в городе полно гопников и надо быть очень осторожными»; «таких рож, как у некоторых представителей нерчинской молодежи, в центральной России я не видел лет 15, и смотрели они на меня ровно и немигающе, как большая хищная кошка на антилопу»; «лица некоторых прохожих... внушали определенные опасения»; «...добрая половина мужских лиц на улице отягощена... знакомством с криминальным миром».

Приезжие нередко ожидают встретить в Забайкалье «блатную», «бандитскую» культуру, будучи уверенными в том, что «понятия» заменяют местному населению закон. Источники таких познаний – устная коммуникация и популярные новостные сюжеты, в которых регион прочно связывается с преступной субкультурой. Факты гиперболизируются, обобщаются в целостную картину, в результате чего создается образ жутковатого и опасного места:

«Говорят о существовании в этих краях настоящего параллельного криминального государства»; «рассказывали о случаях убийств путешественников, которых гопстопнули в Забайкалье»; «Если кто-то зарывается или нагнет, или встает костью в горле, его дом или офис просто жгут. Без церемоний»; «В каторжном краю людей в погонах никогда не любили».

Однако большинство авторов во время путешествий ничего подобного не наблюдали, и лишь каждый пятый заострял внимание на теме криминала. Существенную роль в поддержании стереотипов о «криминальном Забайкалье» играет популярная сегодня в массовой культуре романтизация криминала. Она же создает колорит: «типичный забайкалец» вызывает у туриста смешанное чувство ужаса и восхищения, как персонаж криминализованный и потенциально опасный, но вместе с тем сильный и умеющий постоять за себя. Один из блогеров после посещения Забайкальска написал:

«Я думаю, здешний народ выживет в любой ядерной войне: изнеженные москвичи будут уже плавиться в огне и обтекать остатками жидкостей, более стойкие иркутяне – ныкаться и искать вход в бункер. А жители поселка З. в это время будут сидеть за рулем на пыльной открытой трассе и снимать ядерный взрыв на китайский авторегистратор».

Важное место в портрете Забайкалья занимают пространственная и временная перспектива. Заметно, что многими регион не воспринимается как современный: путешественники нередко ощущают себя в прошлом: кто-то обращает внимание на «розовенький гламур “нулевых”», другие – на присутствие в городе давно

исчезнувших с улиц больших городов «неформалов» и другие «реликты коммунистической эпохи». Часто для описания атмосферы Забайкалья в качестве маркера используются 1990-е («город словно застрял/засиделся в 90-х»).

Пространство Забайкалья резко отличается в представлениях приезжих от привычного: оно описывается как обширное и безлюдное («дикие степи», «нескончаемые сопки», «безбрежный океан сибирской тайги», «бездорожье», «едешь по необжитым местам», «пространства, которым нет конца и края», «медвежий угол», «зимой и летом доехать до цивилизации еще можно», «суровая сибирская ГЛУШЬ [Стилистика, орфография, оформление текстов блогов сохранены. – Ред.]», «людей... почти нет»). Необходимость измерять сотнями километров расстояние между кажущимися близкими населенными пунктами производит впечатление на путешественника.

В итоге Забайкалье предстает затерянным во времени и пространстве, Другим по отношению к России в целом. Приезжие нередко идентифицируют регион культурно как Азию, а не часть европейской России. Заметим: «Азия» как культурный концепт не присутствует столь явно в соседних и более удаленных от европейской части страны Хабаровском крае и Амурской области и даже в Приморье, имеющем непосредственное отношение к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Причина этого – неповторимые природно-географические и геокультурные особенности Центрально-Азиатского региона: полоса тайги, переходящая в степи южного Забайкалья, которые соседствуют со степями Монголии и Северного Китая, наличие и этнокультурное влияние народов тунгусо-маньчжурской и монгольской групп.

Сама Азия при этом часто выступает не отдельной цивилизацией, а скорее «не-цивилизацией». В массовом сознании регион до прихода русских предстает диким, неосвоенным и во многом продолжает оставаться таким. Географические названия кажутся гостю чем-то чужим, экзотическим и порой ассоциируются не с культурами создавших их народов, а с отсутствием культуры:

«Местные названия явно напоминали на вербальном уровне всю дикость, дремутность этого края и удаленность его от обжитых очагов цивилизации: Хилок, Улеты, Могоча, Тунгокочен, Букачача...».

Выходцу из европейской России азиатское внушает опасения и почти не дифференцируется: «славянских черт больше, но нет-нет и проскользнет в ком-нибудь то косою разрез глаз, то азиатское веко, что придает лицам местных пацанов особенную ожесточенность». Приграничное расположение Забайкалья, близость Монголии и Китая усиливают это ощущение.

В текстах забайкальцев регион, как правило, получает аналогичную характеристику – содержание авто- и гетеростереотипов во многом совпадает. Региональные блогеры очень любят природу малой родины, а часть остающихся в Забайкалье жителей объясняют отказ от переезда тем, что в их распоряжении есть значительные ресурсы, недоступные в европейской части страны: реки, озера, таежные массивы, обширные участки земли. Ценят также историю и архитектуру, но часто упоминают бедность и заброшенность («неэстетичные помойки», «власти забывают о этих местах и людях», «брошенные и полуразрушенные военные здания», «в наших диких местах», «газоны, в лучшем случае заросшие высоким пыреем», «Забайкалье – сырьевой придаток России, а жители нищенствуют»).

Однако если для приезжих подобные впечатления лишь экзотика, то тексты местного населения обычно описывают ситуацию как проблемную. Оно не склонно признавать криминалитет частью нормы. Это скорее больной вопрос, от решения которого зависит репутация края (*«ехал человек на скутере через всю Россию, а у нас в Забайкалье его убили»*, *«Чита захлебывается в разгуле уличной преступности»*).

Темы пограничности и удаленности от центра, тесно связанные с ощущением собственной забытости и ненужности, также часто затрагиваются (*«автобусы в каждую глушь не ходят»*, *«про Читинскую область говорили, что мимо нее проходит все, даже прогноз погоды центрального телевидения»*). Если для приезжего Забайкалье – это другое измерение, нечто оставшееся в прошлом, то сам житель региона склонен чувствовать себя не отсталым и диким, а скорее покинутым, оставленным без внимания.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стереотипизация как фактор формирования идентичности обнаруживает тенденцию к маргинализации образа Забайкалья, которая четко прослеживается во взгляде со стороны. «Типичный забайкалец» для внешнего наблюдателя – далекий от цивилизации, отсталый, как правило, бедный, близкий к криминальным кругам субъект. Поскольку одна из функций образа Другого заключается в том, чтобы служить базой для формирования собственной идентичности, гетеростереотипы выявляют типичную стратегию конструирования бинарной оппозиции «центр–провинция»: центр выступает эталоном нормы, периферия – нечто ему противоположное.

В этой оппозиции Забайкалью отводится место глубокой провинции, на что местное население отреагировало стремлением увидеть себя в центре пространства. В самоназваниях и автостереотипах маргинальность занимает периферийное место («гураны», «семеновцы»), а удаленность от центра и пограничность («за Байкалом») видятся как объективный географический фактор, а не препятствие развитию.

Весьма существенна популярность устаревшего названия региона – Даурии и даже любовь к нему. Диалог между авто- и гетеростереотипами показывает, что забайкальская региональная идентичность имеет выраженную географическую привязку; наблюдается самоидентификация населения как локализованного в пространстве коллективного субъекта. Грань между «территориальным сознанием» и «территориальной идентичностью» явно смещена в сторону последней, эмоциональному наполнению когнитивного компонента не препятствуют ни маргинальность, ни криминальность, ни бедность в масштабах страны. Напротив, они порождают сопротивление и попытку трактовать себя как особенное и отличное от данного стереотипа: мы не окраина, а середина Земли, Азия – не дикость, а иная цивилизация.

Одновременно Забайкалье остается ориентированным на центр. В этом его можно противопоставить Дальнему Востоку, которому более свойственно стремление к независимости от внимания центра. Если жители Дальнего Востока пришли к осознанию того, что они *«сами за себя отвечают и сами делают свою жизнь»*, то для забайкальцев связь с «большой землей» остается более важной. Это не означает

отсутствие оригинальности, это – особенность в составе российской территории, на формирование которой, как видно из стереотипов, повлияли весь ход исторического развития страны и региона, а также современная социально-экономическая и социокультурная ситуация. Показательна демографическая ситуация: забайкальцы «видят» и любят свою малую родину, но социальные проблемы вынуждают ее покидать. Это заметно уже по тому, что природно-географические составляющие стереотипов выигрывают в сравнении с социокультурными.

Разносторонность и подвижность стереотипов (наличие позитивных и негативных оценок, совмещение образа безлюдной нищей криминальной окраины с представлением о неповторимом крае лихих казаков и ссыльных вольнодумцев) придает структуре идентичности устойчивость. В силу многофункциональности культурных феноменов внутри социальной системы они могут использоваться акторами избирательно, в разных ситуациях репродуцируя различные формы поведения в зависимости от потребности микрогруппы.

Влияние стереотипов провинциальности и маргинальности, для которых в социальной реальности есть основания, преодолевается путем их переосмысления и переоценки. Данные концепты достаточно объемны для появления в них новых граней, лишенных негативных коннотаций. Возможен и даже наблюдается переход от образа отсталого захолустья к культуре пограничья, в сферу слияния и взаимопроникновения культур.

«Азиатский компонент», наличие и расширение контактов с Китаем и Монголией, положение транзитного коридора на Дальний Восток и в Тихоокеанский регион трансформируют образ «окраины» в «пограничный порт», «врата в иные миры». На смену имиджу угрюмой криминальной провинции могут прийти активность, открытость и новая нормативность фронта – понимание его не как границы, актуализирующей противопоставление, а как трансграничья, подразумевающего интеграцию культур. Главной предпосылкой этого может послужить активизация экономического и культурного взаимодействия с сопредельными странами.

Эмоциональная составляющая авто- и гетеростереотипов, таким образом, различается, к чему добавляется их двойственность, которая, однако, не препятствует эмоциональному восприятию. Никто не остается равнодушным ни во внутренней, ни во внешней рефлексии, и «плохое» и «хорошее» Забайкалье – неповторимый регион. Сопоставление авто- и гетеростереотипов в соответствующих дискурсах показало, что они обуславливают и поддерживают друг друга, транслируются в культурные тексты и тем самым – в социальную реальность. Другими словами, они выступают существенным фактором региональной идентичности.

Несмотря на комплексный характер, исследование имеет ограничения, что необходимо учитывать при интерпретации результатов. Прежде всего, ограничения, связанные с источниками данных. Эмпирическая база, сформированная на основе текстов интернет-блогов (преимущественно платформы «Живой Журнал»), репрезентирует в первую очередь точку зрения активной, склонной к публичным высказываниям в цифровой среде части аудитории. Это может вносить определенное смещение в выборку, так как мнения менее активных в сети групп населения, представителей старших возрастных когорт или жителей территорий со слабым интернет-покрытием могут быть отражены недостаточно полно.

Полученные результаты могут быть полезны не только в академической среде – для регионоведов, культурологов и социологов, но и в реальной политике на уровне центральных и местных властей. Апробированный подход, конечно, ограничен, он не дает исчерпывающего и предельно точного знания о состоянии и динамике региональной идентичности, поскольку помимо аналитики в нем присутствует известная доля интерпретации. Однако есть то, что можно утверждать определенно.

Первое – относительно изучаемого объекта. Несмотря на преобладание в структуре идентичности общероссийских компонентов, региональное самосознание выражено и насыщено смыслами. Говорить, что забайкальская идентичность не актуальна, что существует «запрос на нее», а не она сама – неверно. Сравнение себя с другими регионами России обнаруживает осознание своей уникальности, хотя и не предполагает жесткого противопоставления им. Поскольку речь идет о субидентичности, ее носители не могут радикально отличать себя от макрогруппы, что и наблюдается в реальности.

Второе касается методологии. Анализ стереотипов как базовых компонентов самосознания – продуктивный метод исследования идентичности. Однако необходимо более широкое применение точных методов и средств верификации выдвигаемых предположений, совмещение данного подхода с социологическими опросами, анализом статистических данных, учетом динамики социальных структур. Перспективы в исследовании стереотипов как базовых компонентов самосознания связываются с более широким применением точных методов и средств верификации выдвигаемых предположений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Троицкий С.А. В поисках тотального порядка: затвердевание границ и стабильная идентичность. *Журнал фронтирных исследований*. 2021;(1):196–225. URL: <https://clck.ru/3RtqPm> (дата обращения: 08.01.2025).
2. Михайлов В.Т., Рунге Й. Идентификации человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации. *Социологические исследования*. 2019;(1):52–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
3. Холлер Е.В. Функциональность стереотипа в процессе построения идентичности: австрийский кейс. *Сибирские исторические исследования*. 2017;(1):74–98. URL: https://journals.tsu.ru/siberia/&journal_page=archive&id=1556&article_id=36244 (дата обращения: 08.01.2025).
4. Борнсова И.З. «Синдром Бекассин» в бретонской культуре. *Миссия конфессий*. 2022;11(8):116–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-bekassin-v-bretonskoy-kulture> (дата обращения: 08.01.2025).
5. Appel M., Weber S. Do Mass Mediated Stereotypes Harm Members of Negatively Stereotyped Groups? A Meta-Analytical Review on Media-Generated Stereotype Threat and Stereotype Lift. *Communication Research*. 2021;48(2):151–179. <https://doi.org/10.1177/0093650217715543>
6. Hall N.M., Watson-Singleton N.N., Dickens D.D. Stereotype Confirmation Concerns and Anxiety Symptoms in African American Women: The Moderating Role of Identity Shifting. *Race and Social Problems*. 2025;(17):174–184. <https://doi.org/10.1007/s12552-025-09439-z>
7. Slobodnikova A., Randolph-Seng B. The Effects of Stereotype Threat on Roma Academic Performance in Slovakia: Role of Academic Self-efficacy and Social Identity. *Journal for Multicultural Education*. 2021;15(2):152–167. <https://doi.org/10.1108/JME-08-2020-0080>

8. Turochy E., Ballesteros L.M., Nelson T.N.T., Perez M.A. Stereotypes and Stereotype Threats Experienced by Latinx Engineering Undergraduates. *International Journal of Engineering Education*. 2023;39(5):1181–1195. URL: <https://clck.ru/3RuEHn> (дата обращения: 01.03.2025).
9. Webber M., Madden-Smith A. Indigenous Student Identity Development and School Success: Mitigating Social Identity and Stereotype Threats in Schools. In: *International Encyclopedia of Education (Fourth Edition)*. (Eds) R.J. Tierney, F. Rizvi, K. Ercikan. Elsevier; 2023. Pp. 276–287. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818630-5.14052-7>
10. Дробижеева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. *Социологические исследования*. 2020;(8):37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
11. Мокин К.С., Барышная Н.А. Территориальная идентичность: структура, границы, воспроизводство (сравнительный анализ Саратовской области, Республики Кабардино-Балкария и Республики Южная Осетия). *Социологические исследования*. 2023;(6):101–111. <https://doi.org/10.31857/S013216250024235-1>
12. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Ламашева Ю.А., Лебедева М.М. и др. «Пространственный поворот» и его интерпретация в российской науке и институциональной практике. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2021;(2):46–59. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/46-59>
13. Адиев А.З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.). *Социологические исследования*. 2021;(4):136–142. <https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6>
14. Витковская Т.Б., Назукина М.В. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан. *Мир России*. 2021;30(1):67–87. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>
15. Гриценко Г.Д. Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы. *Регионоведческие исследования*. 2024;32(3):446–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>
16. Лебедев С.Д., Потеряхина М.О. Локальная идентичность и солидаризация: Белгород-2017. *Управление городом: теория и практика*. 2017;(1):42–49. URL: <https://mauimr.ru/wp-content/uploads/2020/10/1-24.pdf> (дата обращения: 03.04.2025).
17. Малинова О.Ю. Юбилей региональной столицы как символическая политика: на примере 300-летия Перми. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2024;18(2):47–58. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-47-58>
18. Мазалова Н.Е. Петербург – северная столица: репрезентация смыслов. *Современная научная мысль*. 2023;(6):310–313. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-6-310-313>
19. Мазалова Н.Е. Петербургская мифология как маркер этнокультурной идентичности горожан. *Журнал СВУ. Гуманитарные науки*. 2025;18(5):958–969. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburgskaya-mifologiya-kak-marker-etnokulturnoy-identichnosti-gorozhan> (дата обращения: 12.04.2025).
20. Напалкова И.Г., Курочкина К.В. Имидж Республики Мордовия: образы, символы, стереотипы. *Регионоведческие исследования*. 2020;28(4):866–887. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.866-887>
21. Ситников А.В., Романов М.В., Фасхудинов Р.Р. Национальная и религиозная идентичности: опыт анализа взаимосвязи (на примере Республики Татарстан). *Социологические исследования*. 2022;(3):120–134. <https://doi.org/10.31857/S013216250015844-1>
22. Погосян Г.А., Погосян Р.М. Социокультурная идентичность современных армян. *Социологические исследования*. 2023;(11):121–126. <https://doi.org/10.31857/S013216250028538-4>
23. Рыжова С.В. Российская идентичность на православно-исламском пограничье. *Социологические исследования*. 2020;(8):51–61. <https://doi.org/10.31857/S013216250010566-5>
24. Симонян Р.Х. О региональном сознании студентов российско-китайского приграничья. *Социологические исследования*. 2023;(6):136–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250026398-0>
25. Симонян Р.Х. Специфика идентичности студентов приграничья России и Украины (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов). *Социологические исследования*. 2023;(5):108–116. URL: <https://www.socis.isras.ru/en/article/9622> (дата обращения: 03.04.2025).

26. Васеха М.В. Сибирские территориальные идентичности: поиск форм визуальной репрезентации сибирских регионов. *Сибирские исторические исследования*. 2023;(3):14–39. URL: <https://clck.ru/3RuuNY> (дата обращения: 03.04.2025).
27. Чернышов С.А. «Хочу я этого, не хочу – я сибиряк»: прошлое и настоящее сибирской идентичности⁴⁶. *Мир России*. 2024;33(4):23–43. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-4-23-43>

REFERENCES

1. Troitskiy S.A. In Search of Total Order: Solidifying Borders and a Stable Identity. *Journal of Frontier Studies*. 2021;(1):196–225 (In Russ., abstract in Eng.). Available at: <https://clck.ru/3RtqPm> (accessed 15.06.2025).
2. Mihaylov V.T., Runge J. Identifications of Individuals. Territorial Communities and Social Space: An Attempt of Conceptualisation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;(1):52–62 (in Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
3. Holler E.V. Functional Usefulness of Stereotype in the Construction of Identity: The Case of Austria. *Siberian Historical Research*. 2017;(1):74–98 (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://journals.tsu.ru/siberia/&journal_page=archive&id=1556&article_id=36244 (accessed 08.01.2025).
4. Borisova I.Z. “Becassine Syndrome” in Bretons Culture. *Mission Confessions*. 2022;11(8):116–120 (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-bekassin-v-bretonskoy-kulture> (accessed 08.01.2025).
5. Appel M., Weber S. Do Mass Mediated Stereotypes Harm Members of Negatively Stereotyped Groups? A Meta-Analytical Review on Media-Generated Stereotype Threat and Stereotype Lift. *Communication Research*. 2021;48(2):151–179. <https://doi.org/10.1177/0093650217715543>
6. Hall N.M., Watson-Singleton N.N., Dickens D.D. Stereotype Confirmation Concerns and Anxiety Symptoms in African American Women: The Moderating Role of Identity Shifting. *Race and Social Problems*. 2025;(17):174–184. <https://doi.org/10.1007/s12552-025-09439-z>
7. Slobodnikova A., Randolph-Seng B. The Effects of Stereotype Threat on Roma Academic Performance in Slovakia: Role of Academic Self-efficacy and Social Identity. *Journal for Multicultural Education*. 2021;15(2):152–167. <https://doi.org/10.1108/JME-08-2020-0080>
8. Turochy E., Ballesteros L.M., Nelson T.N.T., Perez M.A. Stereotypes and Stereotype Threats Experienced by Latinx Engineering Undergraduates. *International Journal of Engineering Education*. 2023;39(5):1181–1195. Available at: <https://clck.ru/3RuEHn> (accessed 08.01.2025).
9. Webber M., Madden-Smith A. Indigenous Student Identity Development and School Success: Mitigating Social Identity and Stereotype Threats in Schools. In: International Encyclopedia of Education (4th ed.). (Eds) R.J. Tierney, F. Rizvi, K. Ercikan. Elsevier; 2023. Pp. 276–287. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818630-5.14052-7>
10. Drobizheva L.M. Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(8):37–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
11. Mokin K.S., Baryshnaya N.A. Territorial Identity: Structure, Boundaries, Reproduction (A Comparative Analysis of the Saratov Region, the Republic of Kabardino-Balkaria and the Republic of South Ossetia). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(6):101–111. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250024235-1>
12. Blyakher L.E., Demyanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Lamasheva Yu.A., Lebedeva M.M. at al. “Spatial Turn” and its Interpretation in Russian Science and Institutional Practice. *Ojkumena. Regional Researches*. 2021;(2):46–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/46-59>

⁴⁶ Настоящий материал произведен иностранным агентом (включен в Реестр иностранных агентов Минюстом России 26.05.2023).

13. Adiev A.Z. Russian Identity in Dagestan (According to the Surveys of 2016–2019). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021;(4):136–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6>
14. Vitkovskaia T.B., Nazukina M.V. The Trajectory of the Development of Regionalism in Russia: Practices of Sverdlovsk Oblast and the Republic of Tatarstan. *Universe of Russia*. 2021;30(1):67–87. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>
15. Gritsenko G.D. Social Construction of All-Russian Identity in the North Caucasus: Status and Prospects. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):446–462. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>
16. Lebedev S.D., Poteryahina M.O. Local Identity and Solidarization: Belgorod-2017. *Upravleniye gorodom: teoriya i praktika*. 2017;1(24):42–49. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://mauimrst.ru/wp-content/uploads/2020/10/1-24.pdf> (accessed 08.01.2025).
17. Malinova O.Yu. Jubilee of a Regional Capital as a Symbolic Politics: The Case of the 300th Anniversary of Perm. *Perm University Herald. Political Science*. 2024;18(2):47–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-47-58>
18. Mazalova N.E. St. Petersburg – the Northern Capital: Representation of Meanings. *Modern Scientific Thought*. 2023;(6):310–313. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-6-310-313>
19. Mazalova N.E. Saint Petersburg Mythology as a Marker of Ethno-Cultural Identity of City Dwellers. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2025;18(5):958–969. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburgskaya-mifologiya-kak-marker-etnokulturnoy-identichnosti-gorozhan> (accessed 08.01.2025).
20. Napalkova I.G., Kurochkina K.V. Image of the Republic of Mordovia: Impressions, Symbols, Stereotypes. *Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(4):866–887. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.866-887>
21. Sitnikov A.V., Romanov M.V., Faskhudinov R.R. National and Religious Identities: Experience of Interconnection Analysis (on the Example of Research in the Republic of Tatarstan). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2022;(3):120–134. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250015844-1>
22. Pogosyan G.A., Poghosyan R.M. Socio-Cultural Identification of Modern Armenians. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2023;(11):121–126. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250028538-4>
23. Ryzhova S.V. All-Russian National Identity on the Orthodox-Islamic Borders. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2020;(8):51–61. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250010566-5>
24. Simonyan R.Kh. On the Regional Consciousness of the Russian-Chinese Border Region Students. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2023;(6):136–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250026398-0>
25. Simonyan R.Kh. Specifics of Students' Consciousness in the Borderlands of Russia and Ukraine (Case of Belgorod and Kharkiv Universities). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2023;(5):108–116. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.socis.isras.ru/en/article/9622> (accessed 08.01.2025).
26. Vasekha M.V. Siberian Territorial Identities: The Search for Forms of Visual Representation of Siberian Regions. *Siberian Historical Studies*. 2023;(3):14–39. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RuuNY> (accessed 08.01.2025).
27. Chernyshov S.A. “Whether I Want it or Not, I’m a Siberian”: The Past and Present of Siberian Identity. *Universe of Russia*. 2024;33(4):23–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-4-23-43>

Об авторах:

Трубицын Дмитрий Викторович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета (672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1867-4217>, Researcher ID: P-2140-2016, Scopus ID: 56530632300, SPIN-код: 7037-7790, dvtrubitsyn@yandex.ru

Дорогавцева Ирина Сергеевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета (672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4034-3397>, SPIN-код: 1194-1519, irinadorogawzewa@mail.ru

Вклад авторов:

Д. В. Трубицын – проведение исследования; подготовка рукописи – редактирование и рецензирование.

И. С. Дорогавцева – проведение исследования; подготовка рукописи – редактирование и рецензирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.04.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

About the authors:

Dmitry V. Trubitsyn, Dr.Sci. (Philos.), Professor of the Chair of Theory and History of Culture, Arts, and Design at the Transbaikal State University (30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1867-4217>, Scopus ID: 56530632300, Researcher ID: P-2140-2016, SPIN-code: 7037-7790, dvtrubitsyn@yandex.ru

Irina S. Dorogavtseva, Cand.Sci. (Cultural Studies), Associate Professor of the Chair of European Languages and Linguodidactics at the Transbaikal State University (30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4034-3397>, SPIN-code: 1194-1519, irinadorogawzewa@mail.ru

Contribution of the authors:

D. V. Trubitsyn – investigation; writing – review and editing.

I. S. Dorogavtseva – investigation; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 07.04.2025; revised 23.07.2025; accepted 07.08.2025.